

ПОВТОР В СТИХЕ КАК ОБЪЕКТ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

Наталья Валерьевна Шутёмова

доцент кафедры английской филологии

Пермского государственного университета

614990, Пермь, ул. Букирева 15. manchinova@perm.ru

Основываясь на концепции поэтического текста как сложно построенного смысла, генерируемого по принципу возвращения, автор рассматривает повтор как одну из основных мыслительных операций, определяющих специфику структуры стихотворения и формирующих его смысловое пространство. Аргументируется необходимость освоения смыслообразующей функции повтора на этапе предпереводческого анализа текста с целью репрезентации в переводе поэтичности оригинала.

Ключевые слова: поэтический перевод; тип текста; поэтичность; повтор; принцип сопоставления.

Рассматривая поэтический перевод как творческую деятельность по созданию культурных ценностей, направленную на репрезентацию ценностей иностранной литературы в принимающей культуре, мы полагаем, что проблемы этого вида деятельности, связанные с пониманием сущностного свойства оригинала и его трансляцией в переводе, в значительной степени обусловлены собственно спецификой типа текста. Данный вопрос до сих пор не становился в переводоведении предметом специального изучения, несмотря на всестороннюю его разработанность с литературоведческих и лингвистических позиций в теоретической поэтике.

При исследовании специфики поэтического перевода мы полагаем необходимым рассматривать поэтический текст в его единой целостности и «установке на эстетическую значимость» [Энгельгардт 2005: 35] и исходим из сформированного в концепции Ю.М.Лотмана представления о поэтическом тексте как сложно построенном смысле, генерируемом по принципу возвращения. Данный принцип обуславливает создание сложной системы соотношенностей, которая основана на со- и противопоставлении элементов и характеризуется их параллелизмом, что определяет невычленимость слова из поэтического текста и его специфическую ритмичность [Лотман 1994]. При этом повтор в поэтическом тексте является не одной из множества стилистических фигур, а основной операцией, реализующей принцип возвращения, формирующей структуру стихотворного текста как структуру сопоставления и определяющей диалектические отношения между ее элементами. Формируя ритм, являю-

щийся основой стиха и представляющий собой «цикличное повторение разных элементов в одинаковых позициях» [там же: 92], в отличие от ритма естественных процессов как повторения определенного состояния через определенные промежутки времени, повтор сопоставляет элементы разных уровней структуры (от фонетического до композиционного), обуславливая их взаимный параллелизм. Между сопоставленными элементами образуются отношения антитезы и тождества, при этом если отношения антитезы выделяют противоположное в сходном, то отношения отождествления сближают противоположное. Диалектика поэтической структуры заключается, таким образом, в одновременном сближении и противопоставлении соотносимых понятий, в актуализации их сходства и различия, что обуславливает семантическую емкость поэтического текста.

Необходимо также отметить, что повтор, формируя структуру сопоставления, определяет индивидуальный характер семантики языковых единиц, которые становятся в стихотворной структуре лишь элементами отношений, в значительной мере утрачивая степени своей свободы. Вне этой системы соотношенностей их семантика разрушается. Повтор в стихе, таким образом, не является механическим, тавтологичным повторением одного и того же элемента, а выполняет смыслообразующую функцию, связанную, с одной стороны, с различным строением повторяющихся элементов, с другой – с различием их позиции в тексте, и обуславливающую семантическую емкость поэтического высказывания. Смысловая плотность стихотворного текста, по мне-

нию Ю.М.Лотмана, зависит от «величины несоответствия», которая прямо пропорциональна «величине совпадения в остальной части стиха»: «Чем больше совпадающих элементов и аспектов в неполностью повторяющихся отрезках текста, тем резче подчеркивается своеобразие дифференцирующего элемента» [там же: 113]. Даже текстуальное совпадение не является полным, поскольку текстуально одинаковые элементы занимают в структуре различные позиции и образуют разные формы соотношенности элементов, поэтому различие позиций, занимаемых повторяющимися элементами, становится в стихотворении смысловозначительным признаком, обуславливающим и различие трактовки текстуально совпадающих повторяющихся элементов. Являясь основой ритма, организуя структуру сопоставления и выполняя функцию смыслообразования, повтор является одной из мыслительных операций, формирующих поэтический текст как триединство «форма – содержание – ритм» и определяющих специфику его смысла как ритмосмысла [Гринбаум 2002].

Создаваемые повтором отношения антитезы и тождества охватывают все уровни текста и образуют сложную систему соотношенностей, подлежащую освоению на этапе предпереводческого анализа текста и моделированию в процессе перевода. Мы полагаем, что в качестве одного из основных принципов переводческой рефлексии, отвечающего специфике поэтического смыслообразования, можно рассматривать принцип сопоставления. Сопоставительное освоение образующей повторами системы соотношенностей оригинала делает возможным выявление «архиединиц» [Лотман 1994: 116], создающихся в поэтической структуре оппозиционными парами, объединяющими со- и противопоставленные элементы. По принципу сопоставления выявляются и архиединицы второго уровня, которые порождаются со- и противопоставлением архиединиц первого уровня, таким образом способствуя освоению системы соотношенностей оригинала, его смыслового пространства и идеи.

Характерно, что именно система соотношенностей оригинала, образуемая разветвленной структурой повторов, организующих интегрирующие и реляционные связи, как стиховые, так и строфические, моделируется И.Бродским в переводе известного стихотворения М.Цветаевой «Я тебя отвоюю», которое является одним из двух произведений, посвященных автором О.Мандельштаму, написанных 15 августа 1916 г. и переведенных И.Бродским в 1983 г. на английский язык. Необходимо заметить, что и в переводе собственных стихотворений И.Бродский также стремился передавать их ритмосмысл даже

в ущерб производимому на иностранного читателя впечатлению, полагая, что поэзия не должна быть легкой для восприятия, а ритм и структура являются не формальными компонентами текста, а смысловыми.

***

Я тебя отвоюю у всех земель, у всех небес,
Оттого что лес – моя колыбель, и могила – лес,
Оттого что я на земле стою – лишь одной ногой,
Оттого что я о тебе спою – как никто другой.

Я тебя отвоюю у всех времен, у всех ночей,
У всех золотых знамен, у всех мечей,
Я ключи закину и псов прогоню с крыльца –
Оттого что в земной ночи я вернее пса.

Я тебя отвоюю у всех других – у той одной,
Ты не будешь ничей жених, я – ничьей женой,
И в последнем споре возьму тебя – замолчи! –
У того, с которым Иаков стоял в ночи.

Но пока тебе не скрещу на груди персты –
О проклятье! – у тебя остаешься ты:
Два крыла твои, нацеленные в эфир, –
Оттого что мир – твоя колыбель, и могила – мир!

15 августа 1916 г.

И в оригинале, и в переводе межстрофические реляционные связи создаются двумя анафорическими рядами. Анафора «Я тебя отвоюю», являясь общим компонентом первых трех строф, организует их смысловое сопоставление. С одной стороны, анафора служит основой для сближения строф, отождествления смыслов, их интеграции в единое смысловое пространство. С другой стороны – анафорический повтор, актуализируя различающиеся элементы, является основой смыслового противопоставления строф, образуя смысловую цепь «пространство» – «время» – «люди». Кроме того, анафора первых трех строф соотносится с ее отсутствием в четвертой строфе. Таким образом, анафорически первые три строфы оригинала и перевода оказываются противопоставленными финальной строфе, что актуализирует их смысловое противопоставление, создает между ними отношение антитезы: если первые строфы объективируют смысл «возможность отвоевать любимого человека у чего или кого бы то ни было», то в последней строфе актуализируется смысл «невозможность отвоевать любимого человека вследствие его принадлежности самому себе и миру». Заметим, что И.Бродский транслирует эту особенность развития художественной идеи оригинала, моделируя смысловое пространство перевода также в структуре сопоставления, основанной на антитезе, создаваемой анафорой.

by Marina Tsvetaeva

I will win you away from every earth, from every sky,
For the woods are my place of birth, and the place to die,
For while standing on earth I touch it with but one foot,
For I'll sing your worth as nobody could or would.

I will win you from every time and from every night,
From all banners that throb and shine, from all swords held tight;
I'll drive dogs outside, hurl the keys into dark and fog,
For in the mortal night I'm a more faithful dog.

I will win you from all my rivals, and from the one;
You will never enjoy a bridal, nor I a man.
And in the final struggle I'll take you – don't make a sound! –
From him by whom Jacob stood on the darkened ground.

But until I cross your fingers upon your breast
You possess – what a curse! – yourself: you are self-possessed;
Both your wings, as they yearn for the ether, become unfurled,
For the world's your cradle, and your grave's the world.

1916

Финальная строфа оригинала оказывается соотнесенной с предшествующими не только по принципу антитезы, но и сопоставляется с ними анафорой «Оттого что...». Второй анафорический ряд, являясь общим элементом первой, второй и четвертой строф, также оказывается основой для смыслового сближения первых двух строф и их смыслового противопоставления последней строфе, что осваивается также мыслительной операцией сопоставления. Именно соотнесенность анафор как принцип моделирования смысла оригинала транслируется Бродским и в переводе (*For I'll sing your worth as nobody could or would / For in the mortal night I'm a more faithful dog / For the world's your cradle, and your grave's the world*). Если в первых строфах оригинала и перевода анафора актуализирует «я» лирического героя и смысл возможности отвоевания любимого человека вследствие зависимости этой возможности от воли лирического героя, то в последней строфе анафора актуализирует отсутствие этого «я» и обосновывает смысл «невозможность».

Данная анафора организует и межстиховые реляционные связи в первой строфе как ориги-

нала, так и перевода. Она сопоставляет стихи, представляющие собой вследствие обособляющей функции ритма относительно самостоятельные смысловые единства. Связанные асиндетонном в исходном и переводном текстах, они также выражают идею существования открытого, бесконечного множества причин.

Кроме того, значительную роль в организации смыслового пространства оригинала играет система перечислительных рядов синтаксически параллельных конструкций с местоимением «всех». Являясь общим компонентом сопоставляемых словосочетаний, оно, с одной стороны, актуализирует их дифференциальные элементы, образуя, например, такие оппозиционные пары (архиединицы), как «земель» – «небес», «времен» – «ночей», «времен» – «знамен», «ночей» – «мечей», «других» – «одной», которые, в свою очередь, образуют оппозиционные пары (архиединицы) второго уровня: пространство – время – люди – Бог. С другой стороны, настойчивый повтор местоимения «всех» в ритмически эквивалентной позиции актуализирует и собственно семантику этого местоимения, объективируя смысл «отвоевать у всех». Однако данные перечислительные ряды формально и семантически противопоставлены анафоричной им конструкции «у тебя останешься только ты» финальной строфы, актуализируя смысл «невозможность завоевания в силу принадлежности человека самому себе», объективированный в переводе посредством прямой номинации (*You possess – what a curse! – yourself: you are self-possessed*).

Необходимо также отметить такую особенность структуры оригинала, воссоздаваемую в переводе И.Бродского, как полиптотон, сопоставляющий первую и финальную строфы. Являясь синтаксически параллельными конструкциями, полиптотоны М.Цветаевой основаны на оксюмороне, назначение которого – актуализация внутреннего противоречия субъекта («лес – моя колыбель, и могила – лес», «мир – твоя колыбель, и могила – мир»). На уровне внутристриховых интеграционных связей полиптотон актуализирует внутреннюю диалектику архетипов «лес» и «мир», соотносимых как с понятием жизни, так и с понятием смерти.

За счет синтаксического параллелизма полиптотоны соотносятся и на уровне межстрофических реляционных связей. С одной стороны, на основе синтаксического параллелизма происходит смысловое сближение строф, с другой стороны, актуализируется их специфика: «я» и «ты» не только сближаются, но и противопоставляются. Так же сопоставляются по принципу антитезы и тождества архетипы «лес» и «мир». Таким образом, на уровне межстрофических реляцион-

ных связей полиптон, актуализируя дифференциальные элементы сопоставляемых структур, формирует смысл «противоречие в отношениях между лирическим героем и субъектом, к которому он обращается».

Более того, И.Бродский сохраняет в переводе принцип развития идеи оригинала, построенного на лирической драматической коллизии «я» – «ты». Как и исходный текст, перевод заканчивается строфой, противопоставленной предшествующим строфам абсолютной доминантой «ты». Интересно также отметить, что в стремлении смоделировать систему соотношенностей оригинала, его структурную и ритмическую специфику, И.Бродский передает гармоническое движение исходного текста. Оно сохраняется и на уровне стихов, и на уровне строф, и даже на уровне слогов. Если точка «золотого сечения» оригинала, информация из которой попадает в подсознание реципиента, минуя сознание [Гринбаум 2008], приходится на слово «жених» (стих X, слог 132.88), образующее оппозиционную пару с существительным «женой» («Ты не будешь ничей жених, я – ничьей женой»), то в переводе эта точка совпадает с существительным «a bridal» («невеста») (стих X, слог 125.46), создающим единую архиединицу с существительным «a man» (*You will never enjoy a bridal, nor I a man*). Таким образом, в переводе в точке «золотого сечения» актуализируется архисема, аналогичная оригиналу.

В целом, сравнительно-сопоставительный анализ стихотворения М.Цветаевой и его перевода, выполненного И.Бродским, позволяет сделать вывод о стремлении автора сохранить в переводе структуру оригинала и его ритмическую основу как воплощение логики развития поэтической идеи и формирования художественного образа. Переводчик моделирует характерную для оригинала систему соотношенностей, основанную на повторах, со- и противопоставляющих элементы всех уровней структуры и создающих индивидуальную для данного текста систему архи-

единиц, конструируемую и в переводе. Таким образом, переводчик делает попытку репрезентировать в принимающей культуре поэтичность оригинала, которую мы считаем возможным на основе критериев единости и эстетической значимости поэтического текста трактовать в широком смысле как эстетическую значимость языковой объективации смыслов, порожденных эстетическим отношением к действительности, и в узком (применительно к стихотворным текстам) – как эстетическую значимость стиховой объективации этих смыслов. Сохранение в переводе основных структурных и ритмических принципов, характеризующих движение поэтической идеи оригинала и обуславливающих специфику его поэтичности, означает следование логике этого движения, что способствует объективации в переводе глубинных смыслов оригинала и направляет рефлексии иностранного читателя по сходному с подлинником руслу, способствуя освоению принимающей культурой смыслового пространства исходной культуры и ее ценностей.

Список литературы

Гринбаум О.Н. Строка, строфа и стих как ритмическая система // *Материалы XXXI Всерос. науч.-метод. конф. преп. и асп. филол. ф-та СПбГУ. Вып.4. Ч.2. СПб., 2002. С.12-28.*

Гринбаум О.Н. «Невыразимое очарование», или Точка бифуркации в развитии сюжета пушкинского романа // *Гринбаум О.Н. Этюды по поводу. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. С. 25-30.*

Цветаева М. Я тебя отвоюю... // *Цветаева М. Избр. пр. Минск: Наука и техника, 1984. С.57-58.*

Энгельгардт Б.М. Феноменология и теория словесности. М.: НЛЮ, 2005.

Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. М.: Гнозис, 1994.

Brodsky J. *By Marina Tsvetaeva* // *Brodsky J. Collected Poems in English. Farrar, Straus and Giroux. New York, 2002. P. 497.*

REPETITION AS AN OBJECT OF REFLECTION IN POETIC TRANSLATION

Natalya V. Shutemova

Associate Professor of English Philology Department
Perm State University

Interpreting the poetic text as the complex sense generated on the principle of reversion the author of the article under consideration regards repetition as one of the main operations which forms the structure and the conceptual field of the poem. Thus the semantic function of the repetition is supposed to be analysed by the translator at the preliminary stage, if the aesthetic value of the original text is to be represented in the translation.

Key words: poetic translation; type of text; poeticity; repetition; principle of comparison.